

Сказание о Мамаевом побоище

Перевод В.В. Колесова

Хочу вам, братья, поведать о брани недавней войны, как случилась битва на Дону великого князя Дмитрия Ивановича и всех православных христиан с поганим Мамаем и с безбожными агарянами. И возвысил бог род христианский, а поганных унизил и посрамил их дикость, как и в старые времена помог Гедееону над мадиамами и преславному Моисею над фараоном. Надлежит нам поведать о величии и милости божьей, как исполнил господь пожелание верных ему, как помог великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу над безбожными половцами и агарянами.

Попущением божьим, за грехи наши, по наваждению дьявола поднялся князь восточной страны, по имени Мамай, язычник верой, идолопоклонник и иконоборец, злой преследователь христиан. И начал подстрекать его дьявол, и вошло в сердце его искушение против мира христианского, и подучил его враг, как разорить христианскую веру и осквернить святые церкви, потому что всех христиан захотел покорить себе, чтобы не славилось имя господне среди верных богу. Господь же наш, бог, царь и творец всего сущего, что пожелает, то и исполнит.

Тот же безбожный Мамай стал похваляться и, позавидовав второму Юлиану-отступнику, царю Батыю, начал спрашивать старых татар, как царь Батый покорил Русскую землю. И стали ему сказывать старые татары, как покорил Русскую землю царь Батый, как взял Киев и Владимир, и всю Русь, славянскую землю, и великого князя Юрия Дмитриевича убил, и многих православных князей перебил, а святые церкви осквернил и многие монастыри и села пожег, а во Владимире соборную церковь златоверхую пограбил. И так как был ослеплен он умом, то того не постиг, что, как господу угодно, так и будет: так же и в давние дни Иерусалим был пленен Титом-римлянином и Навуходоносором, царем вавилонским, за прегрешения и маловерие иудеев, - но не бесконечно гневается господь и не вечно он карает.

Узнав все от своих старых татар, начал Мамай поспешать, дьяволом распяемый непрестанно, ополчаясь на христиан. И, забывшись, стал говорить своим алпаутам, и есаулам, и князьям, и воеводам, и всем татарам так: "Я не хочу так поступить как Батый, но когда приду на Русь и убью князя их, то какие города наилучшие достаточны, будут для нас - тут и осядем, и Русью завладеем,

тихо и беззаботно заживем", - а не знал того, проклятый, что Господня рука высока.

И через несколько дней перешел он великую реку Волгу со всеми силами, и другие многие орды к великому воинству своему присоединил и сказал им: "Пойдем на Русскую землю и разбогатеем от русского золота!" Пошел же безбожный на Русь, будто лев, ревуший ярься, будто неуголимая гадюка злобой дыша. И дошел уже до устья реки. Воронежа, и распустил всю силу свою, и наказал всем татарам своим так: "Пусть не пашет ни один из вас хлеба, будьте готовы на русские хлеба!"

Прознал же о том князь Олег Рязанский, что Мамай кочует на Воронеже и хочет идти на Русь, на великого князя Дмитрия Ивановича Московского. Скюдость ума была в голове его, послал сына своего к безбожному Мамаю с великою честью и с многими дарами и писал грамоты свои к нему так: "Восточному великому и свободному, царям царю Мамаю - радоваться! Твой ставленник, тебе присягавший Олег, князь рязанский, много тебя молит. Слышал я, господин, что хочешь идти на Русскую землю, на своего слугу князя Дмитрия Ивановича Московского, утратить его хочешь. Теперь же, господин и пресветлый царь, настало твое время: золотом, и серебром, и богатством многим переполнилась земля Московская, и всякими драгоценностями твоему владению на потребу. А князь Дмитрий Московский - человек христианский - как услышит слово ярости твоей, "то отбежит в дальние пределы свои: либо в Новгород Великий, или на Белоозеро, или на Двину, а великое богатство московское и золото - все в твоих руках будет и твоему войску на потребу. Меня же, раба твоего, Олега Рязанского, власть твоя пощадит, о царь: ведь ради тебя я крепко устрашаю Русь и князя Дмитрия. И еще просим тебя, о царь, оба раба твои, Олег Рязанский и Ольгерд Литовский: обиду приняли мы великую от этого великого князя Дмитрия Ивановича, и как бы мы в своей обиде твоим именем царским ни грозили ему, а он о том не тревожится. И еще, господин наш царь, город мой Коломну он себе захватил - и о всем том, о царь, жалобу воссылаем тебе".

И другого послал скоро своего вестника князь Олег Рязанский со своим письмом, написано же в грамоте было так: "К великому князю Ольгерду Литовскому - радоваться великою радостью! Известно ведь, что издавна ты замышлял на великого князя Дмитрия Ивановича Московского, с тем чтобы изгнать его из Москвы и самому завладеть Москвою. Ныне же, княже, настало наше время, ибо великий царь Мамай грядет на него и на землю его. И сейчас, княже, присоединимся мы оба к царю Мамаю, ибо знаю я, что царь даст тебе город Москву, да и другие города, что поближе к твоему княжеству, а мне отдаст он город Коломну, да Владимир, да Муром, которые к моему княжеству поближе стоят. Я же послал своего гонца к царю Мамаю с великою честью и со многими дарами, так же и ты пошли своего гонца, и что у тебя есть из даров, то пошли ты к нему, грамоты свои написав, а как - сам знаешь, ибо больше меня понимаешь в том".

Князь же Ольгерд Литовский, прознав про все это, очень рад был великой похвале друга своего князя Олега Рязанского и отправляет быстро посла к царю Мамаю с великими дарами и подарками для царских забав. А пишет свои грамоты так: "Восточному великому царю Мамаю! Князь Ольгерд Литовский, присягавший тебе, много тебя молит. Слышал я, господин, что хочешь наказать свой удел, своего слугу, московского князя Дмитрия, потому и молю тебя, свободный царь, раб твой: великую обиду наносит князь Дмитрий Московский улуснику твоему князю Олегу Рязанскому, да и мне также большой вред чинит. Господин царь, свободный Мамай! Пусть придет власть твоего правления теперь и в наши места, пусть обратится, о царь, твое внимание на наши страдания от московского князя Дмитрия Ивановича".

Помышляли же про себя Олег Рязанский и Ольгерд Литовский, говоря так: "Когда услышит князь Дмитрий о приходе царя, и о ярости его, и о нашем союзе с ним, то убежит из Москвы в Великий Новгород, или на Белоозеро, или на Двину, а мы сядем в Москве и в Коломне. Когда же царь придет, мы его с большими дарами встретим и с великою честью, и умолим его, возвратится царь в свои владения, а мы княжество Московское по царскому велению разделим меж собою - то к Вильне, а то к Рязани, и даст нам царь Мамай ярлыки свои и потомкам нашим после нас". Не ведали ведь, что замышляют и что говорят, как несмышленные малые дети, не ведающие божьей силы и господнего предначертания. Ибо воистину сказано: "Если кто к богу веру с добрыми делами и правду в сердце держит и на бога уповает, то такого человека господь не предаст врагам в уничижение и на осмеянье".

Государь же князь великий Дмитрий Иванович - добрый человек - образцом был смиренномудрия, небесной жизни желал, ожидая от бога грядущих вечных благ, не ведая того, что на него замышляют злой заговор ближние его друзья. О таких ведь пророк и сказал: "Не сотвори ближнему своему зла и не рой, не копай врагу своему ямы, но на бога-творца надейся, господь бог может оживить и умертвить".

Пришли же послы к царю Мамаю от Ольгерда Литовского и от Олега Рязанского и принесли ему большие дары и грамоты. Царь же принял дары и письма благосклонно и, заслушав грамоты и послов почтя, отпустил и написал ответ такой: "Ольгерду Литовскому и Олегу Рязанскому. За дары ваши и за восхваление ваше, ко мне обращенное, каких захотите от меня владений русских, теми одарю вас. А вы в верности мне присягните и скорее идите ко мне и одолейте своего недруга. Мне ведь ваша помощь не очень нужна: если бы я теперь пожелал, то своею силою великою я бы и древний Иерусалим покорил, как прежде халдеи. Теперь же поддержать вас хочу моим именем царским и силою, а вашу клятву и властью вашей разбит будет князь Дмитрий Московский, и грозным станет имя ваше в странах ваших моею угрозой. Ведь если мне, царю, предстоит победить царя, подобного себе, то мне подобает и надлежит царскую честь получить. Вы же теперь идите от меня и передайте князьям своим слова мои".

Послы же, возвратясь от царя к своим князьям, сказали им: "Царь Мамай приветствует вас и очень, за восхваление ваше великое, благорасположен к вам!" Те же, скудные умом, порадовались суетному привету безбожного царя, не ведая того, что бог дает власть кому пожелает. Теперь же - одной веры, одного крещения, а с безбожным соединились вместе преследовать православную веру Христову. О таких ведь пророк сказал: "Воистину сами себя отсекали от доброго масличного древа и привились к дикой маслине".

Князь же Олег Рязанский стал торопиться отправлять к Мамаю послов, говоря: "Выступай, царь, скорее на Русь!" Ибо говорит великая мудрость: "Путь нечестивых погибнет, ибо собирают на себя досаду и поношение". Ныне же этого Олега окаянного новым Святополком назову.

И прослышал князь великий Дмитрий Иванович, что надвигается на него безбожный царь Мамай со многими ордами и со всеми силами, неустанно ярьсь на христиан и на Христову веру и завидуя безголовому Батыю, и сильно опечалился князь великий Дмитрий Иванович из-за нашествия безбожных. И, став пред святою иконою господня образа, что в изголовье его стояла, и, упав на колени свои, стал молиться и сказал: "Господи! Я, грешный, смею ли молиться тебе, смиренный раб твой? Но к кому обращу печаль мою? Лишь на тебя надеясь, господи, и вознесу печаль мою. Ты же, господи, царь, владыка, светодатель, не сотвори нам, господи, того, что отцам нашим сотворил, наведя на них и на их города злого Батыя, ибо еще и сейчас, господи, тот страх и трепет великий в нас живет. И ныне, господи, царь, владыка, не до конца прогневайся на нас, знаю ведь, господи, что из-за меня грешного, хочешь всю землю нашу погубить; ибо я согрешил пред тобою больше всех людей. Сотвори мне, господи, за слезы мои, как Иезекии, и укроти, господи, сердце свирепому этому зверю!" Поклонился и сказал: "На господа уповал - и не погибну". И послал за братом своим, за князем Владимиром Андреевичем в Боровск, и за всеми князьями русскими скорых гонцов разослал, и за всеми воеводами на местах, и за детьми боярскими, и за всеми служилыми людьми. И повелел им скоро быть у себя в Москве.

Князь же Владимир Андреевич прибыл быстро в Москву, и все князья и воеводы. А князь великий Дмитрий Иванович, взяв брата своего князя Владимира Андреевича, пришел к преосвященному митрополиту Киприану и сказал ему: "Знаешь ли, отче наш, предстоящее нам испытание великое,- ведь безбожный царь Мамай движется на нас, неумолимую в себе ярость распаляя?" И митрополит отвечал великому князю: "Поведай мне, господин мой, чем ты пред ним провинился?" Князь же великий сказал: "Проверил я, отче, все точно, что все по заветам наших отцов, и даже еще больше, выплатил дани ему". Митрополит же сказал: "Видишь, господин мой, попусшением божьим ради наших грехов идет он полонить землю нашу, но вам надлежит, князьям православным, тех нечестивых дарами удовлетворить хотя бы и вчетверо. Если же и после того не смирится, то господь его усмирит, потому что господь дерзким противится, а смиренным благодать подает. Так же случилось когда-то

с Великим Василием в Кесарии: когда злой отступник Юлиан, идя на персов, захотел разорить город его Кесарию, Василий Великий помолился со всеми христианами господу богу, собрал много золота и послал к нему, чтобы утолить жадность преступника. Тот же, окаянный, только сильнее разъярился, и господь послал на него воина своего, Меркурия, уничтожить его. И невидимо пронзен был в сердце нечестивый, жизнь свою жестоко окончил. Ты же, господин мой, возьми золота, сколько есть у тебя, и пошли навстречу ему - и скорей образумишь его".

Князь же великий Дмитрий Иванович послал к нечестивому царю Мамаю избранного своего юношу, по имени Захарий Тютчев, испытанного разумом и смыслом, дав ему много золота и двух переводчиков, знающих татарский язык. Захарий же, дойдя до земли Рязанской и узнав, что Олег Рязанский и Ольгерд Литовский присоединились к поганому царю Мамаю, послал быстро вестника скрытно к великому князю.

Князь же великий Дмитрий Иванович, услышав ту весть, воскорбел сердцем, и исполнился ярости и печали, и начал молиться: "Господи, боже мой, на тебя надеюсь, правду любящего. Если мне враг вред наносит, то следует мне терпеть, ибо искони он является ненавистником и врагом роду христианскому; но вот друзья мои близкие замыслили против меня. Суди, господи, их и меня, я ведь им никакого зла не причинил, кроме того, что дары и почести от них принимал, но и им в ответ я также дарил. Суди же, господи, по правде моей, пусть покончится злоба грешных".

И, взяв брата своего, князя Владимира Андреевича, пошел во второй раз к преосвященному митрополиту и поведал ему, как Ольгерд Литовский и Олег Рязанский соединились с Мамаем на нас. Преосвященный же митрополит сказал: "А сам ты, господин, не нанес ли какой обиды им обоим?" Князь же великий прослезился и сказал: "Если я перед богом грешен или перед людьми, то перед ними ни единой черты не преступил по закону отцов своих. Ибо знаешь и сам, отче, что удовлетворен я своими пределами, и им никакой обиды не нанес, и не знаю, отчего преумножились против меня вредящие мне". Преосвященный же митрополит сказал: "Сын мой, господин князь великий, да осветятся веселием очи твои сердечные: закон божий почитаешь и творишь правду, так как праведен господь, и ты возлюбил правду. Ныне же окружили тебя, как псы многие; суетны и тщетны их попытки, ты же именем господним обороняйся от них. Господь справедлив и будет тебе истинным помощником. А от всевидящего ока Господня, где можно скрыться - и от твердой руки его?"

И князь великий Дмитрий Иванович с братом своим, князем Владимиром Андреевичем, и со всеми русскими князьями и воеводами обдумали, как сторожевую заставу крепкую устроить в поле, и послали в заставу лучших своих и опытных воинов: Родиона Ржевского, Андрея Волосатого, Василия Тупика, Якова Ослябтева и других с ними закаленных воинов. И повелел им на Тихой Сосне сторожевую службу нести со всяким усердием, и ехать к Орде, и языка добыть, чтобы узнать истинные намерения царя.

А сам князь великий по всей Русской земле быстрых гонцов разослал со своими грамотами по всем городам: "Будьте же все готовы идти на мою службу, на битву с безбожными агарянами татарами; соединимся же в Коломне на Успение святой богородицы".

И так как сторожевые отряды задержались в степи, князь великий вторую заставу послал: Клементия Полянина, Ивана Святославича Свесланина, Григория Судакова и других с ними,- приказав им скорее возвращаться. Те же встретили Василия Тупика: ведет языка к великому князю, язык же из людей царского двора, из сановных мужей. И сообщает великому князю, что неотвратимо Мамай надвигается на Русь и что списались друг с другом и соединились с ним Олег Рязанский и Ольгерд Литовский. А не спешит царь оттого идти, что осени дожидается.

Услышав же от языка такое известие о нашествии безбожного царя, великий князь стал утешаться в боге и призвал к твердости брата своего князя Владимира и всех князей русских, говоря: "Братья князя русские, из рода мы все князя Владимира Святославича Киевского, которому открыл господь познать православную веру, как Евстафию Плакиде; просветил он всю землю Русскую святым крещением, извел нас от мучений язычества, и заповедовал нам ту же веру святую твердо держать и хранить и биться за нее. Если кто за нее пострадает, тот в будущей жизни ко святым первым ученикам за веру Христову причислен будет. Я же, братья, за веру Христову хочу пострадать даже и до смерти". Они же ему ответили все согласно, будто одними устами: "Воистину ты, государь, исполни закон божий и последовал евангельской заповеди, ибо сказал господь: "Если кто пострадает имени моего ради, то после воскресения сторицей получит жизнь вечную". И мы, государь, сегодня готовы умереть с тобою и головы свои положить за святую веру христианскую и за твою великую обиду".

Князь же великий Дмитрий Иванович, услышав это от брата своего князя Владимира Андреевича и от всех князей русских, что решаются за веру сразиться,- повелел всему войску своему быть у Коломны на Успение святой богородицы: "Тогда пересмотрю полки и каждому полку воеводу назначу". И все множество людей будто одними устами сказало: "Дай же нам господи, решение это исполнить имени твоего ради святого!"

И пришли к нему князья Белозерские, готов они к бою, и прекрасно снаряжено войско князь Федор Семенович, князь Семен Михайлович, князь Андрей Кемский, князь Глеб Каргопольский и андомские князья; пришли и ярославские князья со своими полками: князь Андрей Ярославский, князь Роман Прозоровский князь Лев Курбский, князь Дмитрий Ростовский и прочие многие князья.

Тут же, братья, стук стучит и будто гром гремит в славном городе Москве - то идет сильная рать великого князя Дмитрия Ивановича и гремят русские сыны своими золочеными доспехами.

Князь же великий Дмитрий Иванович, взял с собою брата своего, князя Владимира Андреевича, и всех князей русских, поехал к живоначальной Троице на поклон к отцу своему духовному, преподобному старцу Сергию, благословение получить от святой той обители. И упросил его преподобный игумен Сергей, чтобы прослушал он святую литургию, потому что был тогда день воскресный и чтилась память святых мучеников Флора и Лавра. По окончании же литургии просил святой Сергей со всею братьею великого князя, чтобы откушал хлеба в доме живоначальной Троицы, в обители его. Великий же князь был в замешательстве, ибо пришло к нему вестники, что уже приближаются поганые татары, и просил он преподобного, чтобы его отпустил. И ответил ему преподобный старец: "Это твое промедление двойным для тебя послушанием обернется. Ибо не сейчас еще, господин мой, смертный венец носить тебе, но через несколько лет, а для многих других теперь уж венцы плетутся". Князь же великий откушал хлеба у них, а игумен Сергей в то время велел воду освящать с мощей святых мучеников Флора и Лавра. Князь же великий скоро от трапезы встал, и преподобный Сергей окропил его священной водою и все христоролюбивое его войско и осенил великого князя крестом Христовым - знаменем на челе. И сказал: "Пойди, господин, на поганых половцев, призывая бога, и господь бог будет тебе помощником и заступником", и добавил ему тихо: "Победишь, господин, супостатов своих, как подобает тебе, государь наш". Князь же великий сказал: "Дай мне, отче, двух воинов из своей братии - Пересвета Александра и брата его Андрея Ослябу, тем ты и сам нам поможешь". Старец же преподобный велел тем обоим быстро готовиться идти с великим князем, ибо были известными в сражениях ратниками, не одно нападение встретили. Они же тот час послушались преподобного старца и не отказались от его повеления. И дал он им вместо оружия тленного нетленное - крест Христов, нашитый на схимах, и повелел им вместо шлемов золоченых возлагать его на себя. И передал их в руки великого князя, и сказал: "Вот тебе мои воины, а твои избранники",- и сказал им: "Мир вам, братья мои, твердо сражайтесь, как славные воины за веру Христову и за все православное христианство с погаными половцами". И осенил Христовым знаменем все войско великого князя - мир и благословение.

Князь же великий возвеселился сердцем, но никому не поведал, что сказал ему преподобный Сергей. И пошел он к славному своему городу Москве, радуясь благословиению святого старца, словно сокровище непохищаемое получил. И, вернувшись в Москву, пошел с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, к преосвященному митрополиту Киприану, и поведал ему тайно все, что сказал лишь ему старец святой Сергей, и какое благословение дал ему и всему его православному войску. Архиепископ же повелел эти слова сохранить в тайне, не говорить никому.

Когда же наступил четверг 27 августа, день памяти святого отца Пимена Отшельника, в тот день решил князь великий выйти навстречу безбожным татарам. И, взяв с собою брата своего князя Владимира Андреевича, стал в церкви святой Богородицы пред образом господним, сложив руки на груди,

потоки слез проливая, молясь, и сказал: "Господи боже наш, владыко великий, твердый, воистину ты - царь славы, помилуй нас, грешных, когда унываем, к тебе единому прибегаем, нашему спасителю и благодетелю, ибо твоею рукою созданы мы. Но знаю я, господи, что прегрешения мои уже покрывают голову мою, и теперь не оставь нас, грешных, не отступи от нас. Суди, господи, притесняющих меня и оборони от борющихся со мною; возьми, господи, оружие и щит и стань на помощь мне. Дай же мне, господи, победу над моими врагами, пусть и они познают славу твою". И затем приступил к чудотворному образу госпожи богородицы, который Лука-евангелист написал, и сказал: "О чудотворная госпожа богородица, всего создания человеческого заступница, ибо благодаря тебе познали мы истинного бога нашего, воплотившегося и рожденного тобою. Не отдай же, госпожа, городов наших в разорение поганым половцам, да не осквернят святых твоих церквей и веры христианской. Умоли, госпожа богородица, сына своего Христа, бога нашего, чтобы смирил он сердца врагам нашим, да не будет рука их над нами. И ты, госпожа наша пресвятая богородица, пошли нам свою помощь и нетленную свою ризою покрой нас, чтобы не страшились мы ран, на тебя ведь надеемся, ибо твои мы рабы. Знаю же я, госпожа, если захочешь - поможешь нам против злобных врагов, этих поганых половцев, которые не призывают твоего имени; мы же, госпожа пречистая богородица, на тебя надеемся и на твою помощь. Ныне выступаем против безбожных язычников поганых татар, умоли же ты сына своего, бог нашего". И потом пришел к гробу блаженного чудотворца Петра-митрополита и, сердечно к нему припадая, сказал: "О чудотворны святитель Петр, по милости божьей непрестанно творишь чудеса. И теперь настало время тебе за нас молиться общему владыке всех, царь и милостивому спасителю. Ибо теперь на меня ополчились супостаты поганые и на город твой Москву готовят оружие. Тебя ведь господь показал последующим поколениям нашим возжег тебя нам, светлую свечу, и поставил на подсвечнике высоком светить всей земле Русской. И тебе ныне подобает о нас, грешных молиться, чтобы не нашла на нас рука смерти и рука грешника не погубила нас. Ты ведь страж наш твердый от вражеских нападений, ибо твоя мы паства". И, окончив молитву, поклонился преосвященному митрополиту Киприану, архиепископ же благословил его отпустил в поход против поганых татар; и, перекрестив ему чело, осенил его Христовым знаменем, и послал богосвященный собор свой с крестами, и со святыми иконами, и со священной водой во Фроловские ворота, и в Никольские, и в Константино-Еленинские, чтобы каждый воин вышел благословенным и святою водою окропленным.

Князь же великий Дмитрий Иванович с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, пошел в церковь небесного воеводы архистратига Михаила и бил челом святому образу его, а потом приступил к гробам православных князей, прародителей своих, так слезно говоря: "Истинные охранители, русские князья, православной веры христианской поборники, родители наши! Если имеете дерзновение предстоять Христу, то помолитесь теперь о нашем горе, ибо великое нашествие грозит нам, детям вашим, и ныне

помогите нам". И, это сказав, вышел из церкви.

Княгиня же великая Евдокия, и Владимира княгиня Мария, и других православных князей княгини, и многие жены воевод, и боярыни московские, и жены слуг тут стояли, провожая, от слез и кликов сердечных не могли и слова сказать, свершая прощальное целование. И остальные княгини, и боярыни, и жены слуг так же совершали со своими мужьями прощальное целование и вернулись вместе с великой княгиней. Князь же великий, еле удерживаясь от слез, не стал плакать при народе, в сердце же своем сильно прослезился, утешая свою княгиню, и сказал: "Жена, если бог за нас, то кто против нас!" И сел на лучшего своего коня, и все князья и воеводы сели на коней своих.

Солнце ему на востоке ясно сияет, путь ему показывает. Тогда ведь как соколы сорвались с золотых колодок из каменного града Москвы, и взлетели под синие небеса, и возгремели своими золотыми колокольцами, захотели ударить на большие стада лебединые и гусиные: то, братья, не соколы вылетели из каменного града Москвы, то выехали русские удалцы со своим государем, с великим князем Дмитрием Ивановичем, а наехать захотели на великую силу татарскую.

Князья же белозерские отдельно со своим войском выехали; изготовленным выглядит войско их. Князь же великий отпустил брата своего князя Владимира дорогою на Брашево, а белозерских князей - Болвановскою дорогою, а сам князь великий пошел на Котел дорогою. Перед ним солнце ярко сияет, а вслед ему тихий ветерок веет. Потому же разлучился князь великий с братом своим, что не пройти им было одной дорогой.

Княгиня же великая Евдокия со своею невесткою, княгинею Владимира Марией, и с воеводскими женами, и с боярынями взшла в златоверхий свой терем в набережный и села на рундуке под стекольчатыми окнами. Ибо уже в последний раз видит великого князя, слезы проливая, как речной поток. С великою печалью, приложив руки свои к груди, говорит: Господи боже мой, всевышний творец, взгляни на мое смирение, удостой меня, господи, увидеть вновь моего государя, славнейшего среди людей великого князя Дмитрия Ивановича. Помоги же ему, господи, своей твердой рукой победить вышедших на него поганых половцев. И не допусти, господи, того, что за много лет прежде сего было, когда страшная битва была у русских князей на Калке с погаными половцами, с агарянами; и теперь избавь, господи, от подобной беды, и спаси, и помилуй! Не дай же, господи, погибнуть сохранившемуся христианству, и пусть славится имя твое святое в Русской земле! Со времени той калкской беды и страшного побоища татарского и ныне уныла Русская земля, и нет уже у нее надежды ни на кого, но только на тебя, всемилостивого бога, ибо ты можешь оживить и умертвить. Я же, грешная, имею теперь две отрасли малых, князя Василия и князя Юрия: если встанет ясное солнце с юга или ветер повеет с западу - ни того, ни другого не смогут еще вынести. Что же тогда я, грешная, поделаю? Так возврати им, господи, отца их, великого князя, здоровым, тогда и земля их спасется, и они всегда будут царствовать".

Великий же князь отправился, захватив с собою мужей знатных, московских купцов - сурожан десять человек как свидетелей: что бы бог ни устроил, а они расскажут в дальних странах, как купцы знатные, и были: первый - Василий Капица, второй - Сидор Алферьев, третий - Константин Петунов, четвертый - Кузьма Ковря, пятый - Семен Антонов, шестой - Михаил Саларев, седьмой - Тимофей Весяков, восьмой - Дмитрий Черный, девятый - Дементю Саларев и десятый - Иван Шиха.

И двигался князь великий Дмитрий Иванович по большой широкой дороге, а за ним русские сыны идут скоро, будто медвяные чаши пить и гроздья виноградные есть, желая себе чести добыть и славного имени: уже ведь, братья, стук стучит и гром гремит на ранней заре, князь Владимир Андреевич через Москву-реку переправляется на добром перевозе на Боровском.

Князь же великий пришел в Коломну в субботу, в день памяти святого отца Моисея Эфиопа. Тут уже были многие воеводы и воины и встретили его на речке Северке. Архиепископ же коломенский Геронтий со всем своим клиром встретил великого князя в воротах городских живоносными крестами и со святыми иконами, и осенил его живоносным крестом, и молитву сотворил: "Спаси, боже, люди своя".

Наутро же князь великий повелел выехать всем воинам на поле к Девичьему монастырю.

В святое же воскресенье после заутрени зазвучали многие трубы боевые, и литавры загремели, и зашумели расшитые знамена у сада Панфилова.

Сыновья же русские вступили в обширных поля коломенские, но и тут не вместиться огромному войску, и невозможно было никому очами окинуть рати великого князя. Князь же великий", въехав на возвышенное место с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, видя такое множество людей снаряженных, возрадовался и назначил каждому полку воеводу. Себе же князь великий взял под командование белозерских князей, и в полк правой руки назначил брата своего князя Владимира и дал ему под командование ярославских князей, а в полк левой руки назначил князя Глеба Брянского. Передовой же полк - Дмитрий Всеволодович да брат его Владимир Всеволодович, с коломенцами - воевода Микула Васильевич, владимирский же воевода и юрьевский - Тимофей Волуевич, а костромской воевода - Иван Родионович Квашня, переяславский же воевода - Андрей Серкизович. А у князя Владимира Андреевича воеводы: Данило Белеут, Константин Кононов, князь Федор Елецкий, князь Юрий Мещерский, князь Андрей Муромский.

Князь же великий, распределив полки, повелел им через Оку-реку переправляться и при казал каждому полку и воеводам: "Если же кто пойдет по Рязанской земле,- не коснитесь ни единого волоса!" И, взяв благословение от архиепископа коломенского, князь великий перешел реку Оку со всеми силами и отправил в поле третью заставу, лучших своих витязей, чтобы они сошлись со сторожей татарской в степи: Семена Медика, Игнатия Креня, Фому Тынину,

Петра Горского, Карпа Олексина, Петрушу Чурикова и других многих с ними удалых наездников.

Сказал же князь великий брату своему князю Владимиру: "Поспешим, брате, навстречу безбожным язычникам, поганым татарам, и не отвернем лица своего от наглости их, а если, брате, и смерть нам суждена, то не без пользы, не без замысла для нас эта смерть, но в жизнь вечную!" А сам государь князь великий, в пути будучи, призывал родственников своих на помощь - святых стратотерпцев Бориса и Глеба.

Князь же Олег Рязанский услышал, что князь великий соединился со многими силами и следует навстречу безбожному царю Мамаю да к тому же вооружен твердо своею верою, которую на бога-вседержителя, всевышнего творца, со всею надеждой возлагает. И начал остерегаться Олег Рязанский и с места на место переходить с единомышленниками своими, так говоря: "Вот если бы нам можно было послать весть об этой напасти к многоразумному Ольгерду Литовскому, узнать, что он об этом думает, да нельзя: перекрыли нам путь. Думал я по старинке, что не следует русским князьям на восточного царя подниматься, а теперь как все это понять? И откуда князю помощь такая пришла, что смог против нас трех подняться?"

Отвечали ему бояре его: "Нам, княже, сообщили из Москвы за пятнадцать дней до сего,-но мы побоялись тебе передать,- о том, что в вотчине его, близ Москвы, живет монах, Сергием зовут, весьма прозорлив он. Тот сверх меры и вооружил его, и из своих монахов дал ему помощников". Услышав же то, князь Олег Рязанский испугался и на бояр своих осердился и разъярился: "Почему мне не поведали до сих пор? Тогда бы я послал к нечистивому царю и умолил его, и никакое бы зло не приключилось! Горе мне, потерял я разум свой, но не я один ослабел умом, но и больше меня разумный Ольгерд Литовский; но, однако, он почитает веру латинскую Петра Гугнивого, я же, окаянный, познал истинный закон божий! И отчего совратился я? И сбудется со мною сказанное господом: "Если раб, зная закон господина своего, нарушит его, бит будет сильно". Ибо ныне что натворил? Зная закон бога, сотворившего небо, и землю, и всю тварь, присоединился ныне к нечестивому царю, решившему попать закон божий! И теперь какому своему неразумному помыслу вверил себя? Если бы теперь великому князю помощь предложил, то никак он не примет меня, ибо узнал об измене моей. Если же присоединюсь к нечестивому царю, то воистину стану как прежний гонитель Христовой веры, и тогда поглотит меня земля живьем, как Святополка: не только княжения лишен буду, но и жизни лишусь, и брошен буду в геенну огненную мучиться. Если же господь за них, то никто их не одолеет, да еще и прозорливый тот монах будет помогать ему молитвой своей! Если же никому из них помощи не окажу, то впредь от них обоих как смогу устоять? А теперь я так думаю: кому из них господь поможет, к тому и я присоединюсь!"

Князь же Ольгерд Литовский, в согласии с прежним замыслом, собрал литовцев много и варягов, и жмуди и пошел на помощь Мамаю. И пришел к

городу Одоеву, но, прослышав, что князь великий собрал великое множество воинов, - всю русь и словен, да пошел к Дону против царя Мамаю,- прослышав также, что Олег испугался,- и стал тут с тех пор недвижимо, и понял тщетность своих помыслов, о союзе своем с Олегом Рязанским теперь сожалел, метался и негодовал, говоря: "Если человеку не хватает своего ума, то напрасно чужого ума ищет: никогда ведь не бывало, чтобы Литву поучала Рязань! Ныне же свел меня с ума Олег, а сам и пуще погиб. Так что теперь побуду я здесь, пока не услышу о московской победе".

В то же время прослышали князя Андрей Полоцкий и князь Дмитрий Брянский, Ольгердовичи, что великая беда и забота отяготили великого князя Дмитрия Ивановича Московского и все православное христианство от безбожного Мамаю. Были же те князья отцом своим, князем Ольгердом, нелюбимы из-за мачехи их, но ныне богом возлюблены были и святое крещение приняли. Были они, будто какие колосья плодовые, сорняком подавляемые: живя среди нечестия, не могли плода достойного породить. И посылает князь Андрей к брату своему, князю Дмитрию, тайно письмо небольшое, в нем же написано так: "Знаешь, брат мой возлюбленный, что отец наш отверг нас от себя, но отец наш небесный, господь бог, сильней возлюбил нас и просветил святым крещением, дав нам закон свой,- чтобы жить по нему, и отрешил нас от пустой суеты и от нечистой пищи; мы же теперь чем за то богу воздадим? Так устремимся, брате, на подвиг благой для подвижников Христа, источника христианства, пойдём, брате, на помощь великому князю Дмитрию Московскому и всем православным христианам, ибо большая беда наступила для них от поганых измаилтян, да еще и отец наш с Олегом Рязанским присоединились к безбожным и преследуют православную веру христианскую. Нам, брате, следует святое писание исполнить, говорящее: "Братья, в бедах отзывчивы будьте!" Не сомневайся же, брат, будто отцу мы противиться будем, ведь вот как евангелист Лука передал слова господя нашего Иисуса Христа: "Преданы будете родителями и братьями и умрете за имя мое; претерпевший же до конца - спасется!" Выберемся, брат, из давящего этого сорняка и привьемся к истинному плодовицу"" Христову винограду, возделанному рукою Христовой. Теперь ведь, брат, устремляемся мы не земной ради жизни, но почести в небесах желая, которую господь дает творящим волю его".

Князь же Дмитрий Ольгердович, прочтя письмо брата своего старшего, возрадовался и заплакал от радости, говоря: "Владыко, господи человеколюбец, дай же рабам твоим желание совершить таким путем подвиг этот благой, что открыл ты брату моему старшему!" И велел послу: "Скажи брату моему, князю Андрею: готов я сейчас же по твоему приказу, брат и господин. Сколько есть войска моего, то все вместе со мною, потому что по божьему промыслу собрались мы для предстоящей войны с дунайскими татарами. И еще скажи брату моему, слышал я также от пришедших ко мне сборщиков меда из Севрской земли, говорят, что уже великий князь Дмитрий на Дону, ибо там дожидаться хочет злых сыроядцев. И нам следует идти к Севере и там соединиться: надо держать нам путь на Северу, и таким путем утаимся от отца

своего, чтобы не помешал нам постыдно".

Через несколько дней сошлись оба брата, как решили, со всеми силами в Северной земле и, свидясь, порадовались, как некогда Иосиф с Вениамином, видя с собою множество людей, бодрых и снаряженных умелых ратников. И достигли быстро Дона, и догнали великого князя Дмитрия Ивановича Московского еще на этой стороне Дона, на месте, называемом Березуй, и тут соединились.

Князь же великий Дмитрий с братом своим Владимиром возрадовались оба радостию великою такой милости божьей: ведь невозможно столь просто такому быть, чтобы дети отца оставили и перехитрили его, как некогда волхвы Ирода, и пришли нам на помощь. И многими дарами почтил их, и поехали своею дорогой, радуясь и славя святого духа, от земного уже всего отрешась, ожидая себе бессмертного иного искупленья. Сказал же им князь великий: "Братья мои милые, по какой нужде пришли вы сюда?" Они же ответили: "Господь бог послал нас к тебе на помощь!" Князь же великий сказал: "Воистину подобны вы праотцу нашему Аврааму, который быстро Лоту помог, и еще вы подобны доблестному великому князю Ярославу, который отомстил за кровь братьев своих". И тотчас послал такую весть князь великий в Москву преосвященному митрополиту Киприану: "Ольгердовичи - князья пришли ко мне со многими силами, а отца своего оставили". И вестник быстро добрался до преосвященного митрополита. Архиепископ же, прослышав о том, встал на молитву, говоря со слезами: "Господи владыко человеколюбец, ибо противные нам ветры в тихие превращаешь! И послал во все соборные церкви и монастыри, повелел усердно молитвы творить день и ночь к вседержителю-богу. И послал в монастырь к преподобному игумену Сергию, чтобы внял их молитвам бог. Княгиня же великая Евдокия, услышав о том великом божьем милосердии, начала щедрые милостыни раздавать и постоянно пребывала в святой церкви, молясь день и ночь.

Это же снова оставим и к прежнему возвратимся.

Когда князь великий был на месте, называемом Березуй, за двадцать три поприща от Дона настал уже пятый день месяца сентября - день памяти святого пророка Захарии (в тот же день и убиение предка Дмитрия - князя Глеба Владимировича), и прибыли двое из его сторожен заставы, Петр Горский и Карп Олексин, пришли знатного языка из числа сановников царского двора. Рассказывает тот язык: "Уже царь Кузьмине гати стоит, но не спешит, поджидает Ольгерда Литовского да Олега Рязанского; руководствуясь сведениями, полученными от Олега, о твоих сборах царь не ведает и встречи тобою не ожидает; через три же дня должен быть на Дону". Князь великий спросил его силе царской, и тот ответил: "Несчетное множество войск его сила, никто их не сможет перечесть".

Князь же великий стал совещаться с братом своим и со вновь обретенною братьею, с литовскими князьями: "Здесь ли и дальше останемся или Дон

перейдем?" Сказали ему Ольгердпвичи: "Если хочешь твердого войска, то прикажи за Дон перейти, чтобы не было ни у одного мысли об отступлении; о великой же силе врага не раздумывай, ибо не в силе бог, но в правде: Ярослав, перейдя реку, Святополка победил, прадед твой, князь великий Александр, Неву-реку перейдя, короля победил, и тебе, призывая бога следует то же сделать. И если разобьем врага, то все спасемся, если же погибнем, то все общую смерть примем - от князей и до простых людей Тебе же, государю великому князю, ныне нужно забыть о смерти, смелыми словами речь говорить, чтобы от тех речей укрепилось войско твое: мы ведь видим, какое великое множество избранных витязей в войске твоём".

И князь великий приказал войску всему через Дон переправляться.

А в это время разведчики поторапливают, ибо приближаются поганые татары. И многие сыны русские возрадовались радостью великую, чая желанного своего подвига, о котором еще на Руси мечтали.

А за многие дни множество волков стекалось на место то, завывая страшно, непрерывно все ночи, предчувствуя грозу великую. У храбрых людей в войсках сердца укрепляются, другие же люди в войсках, ту прослышав грозу, совсем приуныли: ведь небывалая рать собралась, безумолчно перекликаются, и галки своим языком говорят, и орлы, во множестве с устья Дона слетевшись, по воздуху паря, клекчут, и многие звери свирепо воют, ожидая того дня грозного, богом predetermined, в который должны лечь тела человеческие: такое будет кровопролитие, будто вода морская. От того-то страха и ужаса великие деревья преклоняются и трава расстилается".

Многие люди из обеих войск печалются, предвидя свою смерть.

Начали же поганые половцы в великом унынии сокрушаться о конце своей жизни, потому что если умрет нечестивый, то исчезнет память о нем с шумом. Правоверные же люди еще и больше воссияют в радости, ожидая угованного им чаяния, прекрасных венцов, о которых поведал великому князю преподобный игумен Сергий.

Разведчики же поторапливают, ибо уже близко поганые и всѣ приближаются. А в шестом часу дня примчался Семен Мелик с дружиной своей, а за ним гналось множество татар: нагло гнались почти до нашего войска, и лишь только русских увидев, возвратились быстро к царю и сообщили ему, что князья русские изготовились к бою у Дона. Ибо божьим промыслом увидели великое множество людей расставленных и сообщили царю: "Князей русских войско вчетверо больше нашего сборища". Тот же нечестивый царь, распаленный дьяволом себе на пагубу, вскричав вдруг, так заговорил: "Таковы мои силы, и если не одолею русских князей, то как возвращусь восвояси? Позора своего не перенесу!" - и повелел поганым своим половцам готовиться к бою.

Семен же Мелик поведал князю великому: "Уже Мамай-царь на Гусин

брод пришел, и одна только ночь между нами, ибо к утру он дойдет до Непрядвы. Тебе же, государю великому князю, следует сейчас изготовиться, чтоб не застали врасплох поганые".

Тогда начал князь великий Дмитрий Иванович с братом своим, князем Владимиром Андреевичем, и с литовскими князьями Андреем и Дмитрием Ольгердовичами вплоть до шестого часа полки расставлял. Некий воевода пришел с литовскими князьями, именем Дмитрий Боброк, родом из Волынской земли, который знатным был полководцем, хорошо он расставил полки, по достоинству, как и где кому подобает стоять.

Князь же великий, взяв с собою брата своего, князя Владимира, и литовских князей, и всех князей русских, и воевод и взехав на высокое место, увидел образа святых, шитые на христианских знаменах, будто какие светильники солнечные, светящиеся в лучах солнечных; и стяги их золоченые шумят, расстилаясь как облаки, тихо трепеща, словно хотят промолвить; богатыри же русские стоят, и их хоругви, точно живые, колышутся, доспехи же русских сынов будто вода, что при ветре струится, шлемы золоченые на головах их, словно заря утренняя в ясную погоду, светятся, яловцы же шлемов их, как пламя огненное, колышутся.

Горестно же видеть и жалостно зреть на подобное русских собрание и устройство их, ибо все единокорны, один за другого, друг за друга хотят умереть, и все единокорно говорят: "Боже, с высот взгляни на нас и даруй православному князю нашему, как Константину, победу, брось под ноги ему врагов-амаликетян, как некогда кроткому Давиду". Всеми этому дивились литовские князья, говоря себе: "Не было ни до нас, ни при нас и после нас не будет такого войска устроенного. Подобно оно Александра, царя македонского, войску, мужеству подобны Гедеоновым всадникам, ибо господь своей силой вооружил их!"

Князь же великий, увидев свои полки достойно устроенными, сошел с коня своего и пал на колени свои прямо перед большого полка черным знаменем, на котором вышит образ владыки господа нашего Иисуса Христа, и из глубины души стал взывать громогласно: "О владыка-вседержитель! Взгляни проницательным оком на этих людей, что твоею десницею созданы и твоею кровью искуплены от служения дьяволу.

Вслушайся, господи, в звучание молитв наших, обрати лицо на нечестивых, которые творят зло рабам твоим. И ныне, господи Иисусе, молюсь и поклоняюсь образу твоему святому, и пречистой твоей матери, и всем святым, угодившим тебе, и крепкому и необоримому заступнику нашему и молебнику за нас, тебе, русский святитель, новый чудотворец Петр! На милость твою надеюсь, дерзаем взывать и славить святое и прекрасное имя твое, и отца и сына и святого духа, ныне и присно и во веки веков! Аминь!"

Окончив молитву и сев на коня своего, стал он по полкам ездить с князьями и воеводами и каждому полку говорил: "Братья мои милые, сыны

русские, все от мала и до великого! Уже, братья, ночь наступила, и день грозный приблизился - в эту ночь бдите и молитесь, мужайтесь и крепитесь, господь с нами, сильный в битвах. Здесь оставайтесь, братья, на местах своих, без смятения. Каждый из вас пусть теперь изготовится, утром ведь уже невозможно будет приготовиться: ибо гости наши уже приближаются, стоят на реке на Непрядве, у поля Куликова изготовились к бою, и утром нам с ними пить общую чашу, друг другу передаваемую, ее ведь, друзья мои, еще на Руси мы возжелали. Ныне, братья, уповайте на бога живого, мир вам пусть будет с Христом, так как утром не замедлят на нас пойти поганые сыродядцы".

Ибо уже ночь наступила светоносного праздника Рождества святой богородицы. Осень тогда затянулась и днями светлыми еще радовала, была и в ту ночь теплынь большая и очень тихо, и туманы от росы встали. Ибо истинно сказал пророк: "Ночь не светла для неверных, а для верных она просветленная".

И сказал Дмитрий Волынец великому князю: "Хочу, государь, в ночь эту приметку свою проверить" - а уже заря померкла. Когда наступила глубокая ночь, Дмитрий Волынец, взяв с собою великого князя только, выехал на поле Куликово и, став между двумя войсками и повернувшись на татарскую сторону, услышал стук громкий, и клики, и вопль, будто торжища сходятся, будто город строится, будто гром великий гремит; с тылу же войска татарского волки воют грозно весьма, по правой стороне войска татарского вороны кличут и гомон птичий, громкий очень, а полевой стороне будто горы шатаются - гром страшный, по реке же Непрядве гуси и лебеди крыльями плещут, небывалую грозу предвещая. И сказал князь великий Дмитрию Волынцу: "Слышим, брат, - гроза страшная очень", - и светил Волынец: "Призывай, княже, бога на помощь!"

И повернулся он к войску русскому - и была тишина великая. Спросил тогда Волынец: "Видишь ли что-нибудь, княже?" - тот же ответил: "Вижу: много огненных зорь поднимается..." И сказал Волынец: "Радуйся, государь, добрые это знамения, только бога призывай и не оскудевай верою!"

И снова сказал: "И еще у меня есть приметка проверить". И сошел с коня, и приник к земле правым ухом на долгое время. Поднявшись, поник и вздохнул тяжело. И спросил князь великий: "Что там, брат Дмитрий?" Тот же молчал и не хотел говорить ему, князь же великий долго понуждал его. Тогда он сказал: "Одна приметка тебе на пользу, другая же - к скорби. Услышал я землю, рыдающую двояко: одна сторона, точено какая-то женщина громко рыдает о детях своих на чужом языке, другая же сторона, будто какая-то дева вдруг вскрикнула громко печальным голосом, точно в свирель какую, так что горестно слышать очень. Я ведь до этого много теми приметками битв проверил, оттого и рассчитываю на милость Божию-молитвою святых страстотерпцев Бориса и Глеба, родичей ваших, и прочих чудотворцев, русских хранителей, я жду поражения поганых татар. А твоего христоролюбивого войска много падет, но, однако, твой верх, твоя слава будет".

Услышав это, князь великий прослезился и сказал: "Господу богу все

возможно: всех нас дыхание в его руках!" И сказал Волинец: "Не следует тебе, государю, этого войску рассказывать, но только каждому воину прикажи богу молиться и святых его угодников призывать на помощь. А рано утром прикажи им сесть на коней своих, каждому воину, и вооружиться крепко и крестом осенить себя: это ведь и есть оружие на противников, которые утром свидятся с нами".

В ту же ночь некий муж, именем Фома Кацибей, разбойник, поставлен был в охранение великим князем на реке Чурове за мужество его для верной охраны от поганых. Его исправляя, бог удостоил его в ночь эту видеть зрелище дивное. На высоком месте стоя, увидел он облако, с востока идущее, большое весьма, будто какие войска к западу шествуют. С южной же стороны пришли двое юношей, одетые в светлые багряницы, лица их сияли, будто солнца, в обоих руках острые мечи, и сказали предводителям войска: "Кто вам велел истребить отечество наше, которое нам господь даровал? И начали их рубить и всех порубили, ни один из них не спасся. Тот же Фома, с тех пор целомудрен и благоразумен, уверовал в бога, а о том видении рассказал наутро великому князю одному. Князь же великий сказал ему: "Не говори того, друже, никому", - и, воздев руки к небу, стал плакать, говоря: "Владыко господи человеколюбец! Молитв ради святых мучеников Бориса и Глеба помоги мне, как Моисею на амаликетян, и как старому Ярославу на Святополка, и прадеду моему великому князю Александру на похвалявшегося короля римского, пожелавшего разорить отечество его. Не по грехам же моим воздай мне, но излей на нас милость свою, простри на нас милосердие свое, не дай нас в осмеяние врагам нашим, чтобы не издевались над нами враги наши, не говорили страны неверных: "Где же бог, на которого они так надеялись" Но помоги, господи, христианам, ими ведь славятся имя твое святое!"

И отослал князь великий брата своего, князя Владимира Андреевича, вверх по Дону в дубраву, чтобы там затаился полк его, дав ему лучших знатоков из своей свиты, удалых витязей, твердых воинов. А еще с ним отправил знаменитого своего воеводу Дмитрия Волинского и других многих.

Когда же настал, месяца сентября в восьмой день, великий праздник Рождества святой богородицы, на рассвете в пятницу, когда всходило солнце и туманное утро было, начали христианские стяги развеяться и трубы боевые во множестве звучать. И вот уже русские кони взбодрились от звука трубного, и каждый воин идет под своим знаменем. И радостно было видеть полки, выстроенные по совету твердого воеводы Дмитрия Боброка Волинца.

Когда же наступил второй час дня, начали звуки труб у обоих войск возноситься, но татарские трубы словно онемели, а русские трубы загремели громче. Полки же еще не видят друг друга, ибо утро было туманное. А в это время, братья, земля стонет страшно, грозу великую предрекая на восток вплоть до моря, а на запад до самого Дуная, и огромное то поле Куликово прогибается, а реки выступали из берегов своих, ибо никогда не было стольких людей на месте том.

Когда же князь великий пересел на лучшего коня, поехал по полкам и говорил в великой печали сердца своего, то слезы потоками текли из очей его: "Отцы и братья мои, господа ради сражайтесь и святых ради церковей и веры ради христианской, ибо эта смерть нам ныне не смерть, но жизнь вечная; и ни о чем, братья, земном не помышляйте, не отступим ведь, и тогда венцами победными увенчает нас Христос-бог и спаситель душ наших".

Укрепив полки, снова вернулся под свое знамя черное, и сошел с коня, и на другого коня сел, и сбросил с себя одежду царскую, и в другую оделся. Прежнего же коня своего отдал Михаилу Андреевичу Бренку и ту одежду на него воздел, ибо любил его сверх меры, и знамя свое черное повелел оруженосцу своему над Бренком держать. Под тем знаменем и убит был вместо великого князя.

Князь же великий стал на месте своем, и, сняв с груди своей живоносный крест, на котором были изображены страдания Христовы и в котором находился кусочек живоносного древа, восплакал горько и сказал: "Итак, на тебя надеемся, живоносный господен крест, в том же виде явившийся греческому царю Константину, когда он вышел на бой с нечестивыми, и чудесным твоим видом победил их. Ибо не могут поганые нечестивые половцы твоему образу противостоять; так, господи, и покажи милость свою на рабе твоём!"

В это же время пришел к нему посланный с грамотами от преподобного старца игумена Сергия, а грамотах написано: "Великому князю, и всем русским князьям, и всему православному войску - мир и благословение!" Князь же великий, прослушав писание преподобного старца и расцеловав посланца с любовью, тем письмом укрепился, точно какими-нибудь твердыми бронями. А еще дал посланный старец от игумена Сергия хлебец пречистой богородицы, князь же великий принял хлебец святой и простер руки свои, вскричав громко: "О великое имя все святой троицы, о пресвятая госпожа богородица, помоги нам молитвами той обители и преподобного игумена Сергия; Христе боже, помилуй и спаси души наши!"

И сел на лучшего своего коня, и, взяв копье свое и палицу железную, выехал из рядов, хотел раньше всех сам сразиться с погаными от великой печали души своей, за свою великую обиду, за святые церкви и веру христианскую. Многие же русские богатыри, удержав его, помешали ему сделать это, говоря: "Не следует тебе, великому князю, прежде всех самому в бою биться, тебе следует в стороне стоять и на нас смотреть, а нам нужно биться и мужество свое и храбрость перед тобой показать: если тебя господь спасет милостью своею, то ты будешь знать, кого чем наградить. Мы же готовы все в этот день головы свои положить за тебя, государь, и за святые церкви, и за православное христианство. Ты же должен, великий князь, рабам своим, насколько кто заслужит своей головой, память сотворить, как Леонтий-царь Федору Тирону, в книге соборные записать наши имена, чтобы помнили русские сыны, которые после нас будут. Если же тебя одного погубим, то от кого нам и ждать, что по нас поминание устроит? Если все спасемся, а тебя

одного оставим, то какой нам успех? И будем как стадо овечьё, не имеющее пастыря: влечется оно по пустыне, а набежавшие дикие волки рассеят его, и разбегутся овцы кто куда, Тебе, государь, следует себя спасти, да и нас".

Князь же великий прослезился и сказал: "Братья мои милые, русские сыны, доброй вашей речи я не могу ответить, а только благодарю вас, ибо вы воистину благие рабы божьи. Ведь хорошо вы знаете о мучении Христова страстотерпца Арефы. Когда его мучили и приказал царь вести его перед народом и мечом зарубить, доблестные его друзья, один перед другим торопясь, каждый из них свою голову палачу под меч преклонял вместо Арефы, вождя своего, понимая славу поступка своего. Арефа же, вождь, сказал воинам своим: "Так знайте, братья мои, у земного царя не я ли больше вас почтен был, земную славу и дары приняв? Так и ныне впереди идти подобает мне также к небесному царю, голове моей следует первой отсеченной быть, а точнее сказать - увенчанной". И, подступив, палач отрубил голову его, а потом и воинам его отсек головы. Так же и я, братья. Кто больше меня из русских сынов почтен был и благое беспрестанно принимал от господа? А ныне зло нашло на меня, неужели не смогу я претерпеть: ведь из-за меня одного это все и воздвиглось. Не могу видеть вас, побеждаемых, и все, что последует, не смогу перенести, потому и хочу с вами ту же общую чашу испить и тою же смертью погибнуть за святую веру христианскую! Если умру - с вами, если спасусь - с вами!"

И вот уже, братья, в то время полки ведут: передовой полк ведет Дмитрий Всеволодович да брат его, князь Владимир Всеволодович, а с правой руки полк ведет Микула Васильевич с коломенцами, а с левой руки полк ведет Тимофей Волуевич с костромичами. Многие же полки поганых бредут со всех сторон: от множества войска нет им места, где сойтись. Безбожный царь Мамай, выехав на высокое место с тремя князьями, следит за людским кровопролитием.

Уже близко друг к другу подходят сильные полки, и тогда выехал злой печенег из большого войска татарского, перед всеми доблестью похваляясь, видом подобен древнему Голиафу: пяти сажен высота его и трех сажен ширина его. И увидел его Александр Пересвет, монах, который был в полку Владимира Всеволодовича, и, выступив из рядов, сказал: "Этот человек ищет подобного себе, я хочу с ним переведаться!" И был на голове его шлем, как у архангела, вооружен же он схимою по велению игумена Сергия. И сказал: "Отцы и братья, простите меня, грешного! Брат мой, Андрей Ослябя, моли бога за меня! Чаду моему Якову - мир и благословение!" - бросился на печенега и добавил: "Игумен Сергий, помоги мне молитвою!" Печенег же устремился навстречу ему, и христиане все воскликнули: "Боже, помоги рабу своему!" И ударились крепко копьями, едва земля не проломилась под ними, и свалились оба с коней на землю и скончались.

Увидев, что настал третий час дня, князь великий произнес: "Вот уже гости наши приблизились и передают друг Другу круговую чашу, что первые уже испили ее, и возвеселились, и уснули, ибо уже время пришло и час настал храбрость свою каждому показать". И стегнул каждый воин своего коня, и

воскликнули все единогласно: "Снами бог!" - и еще: "Боже христианский, помоги нам!", - а поганые татары своих богов стали призывать.

И сошлись грозно обе силы великие, твердо сражаясь, жестоко друг друга уничтожая, не только от оружия, но и от ужасной тесноты под конскими копытами испускали дух, ибо невозможно было вместиться всем на том поле Куликове: было поле то тесное между Доном и Мечею. На том ведь поле сильные войска сошлись, из них выступали кровавые зори, а в них трепетали сверкающие молнии от блеска мечей. И был треск и гром великий от преломленных копий и от ударов мечей, так что нельзя было в этот горестный час никак обозреть то свирепое побоище. Ибо в один только час, в мановение ока, сколько тысяч погибло душ человеческих, созданий божьих! Воля господня свершается: час, и третий, и четвертый, и пятый, и шестой твердо бьются неослабно христиане с погаными половцами.

Когда же настал седьмой час дня, по божьему попущению и за наши грехи начали поганые одолевать. Вот уже из знатных мужей многие перебиты, богатыри же русские, и воеводы, и удалые люди, будто деревья дубравные, клонятся к земле под конские копыта: многие сыны русские сокрушены. И самого великого князя ранили сильно, и с коня его сбросили, он с трудом выбрался с поля, ибо не мог уже биться, и укрылся в чаще и божьею силою сохранен был. Много раз стяги великого князя подсекали, но не истребили их божьей милостью, они еще больше утвердились.

Это мы слышали от верного очевидца, который находился в полку Владимира Андреевича; он поведал великому князю, говоря: "В шестой час этого дня видел я, как над вами разверзлось небо, из которого вышло облако, будто багряная заря над войском великого князя, скользя низко. Облако же то было наполнено руками человеческими, и те руки распростерлись над великим полком как бы проповеднически или пророчески. В седьмой час дня облако то много венцов держало и опустило их на войско, на головы христиан".

Поганые же стали одолевать, а христианские полки поредели - уже мало христиан, а все поганые. Увидев же такую гибель русских сынов, князь Владимир Андреевич не смог сдержаться и сказал Дмитрию Волынцу: "Так какая же польза в стоянии нашем? какой успех у нас будет? кому нам пособлять? Уже наши князья и бояре, все русские сыны, жестоко погибают от поганых, будто трава клонится!" И ответил Дмитрий: "Беда, княже, велика, но еще не пришел наш час: начинающий раньше времени вред себе принесет; ибо колосья пшеничные подавляются, а сорняки растут и буйствуют над благо рожденными. Так что немного потерпим до времени удобного и в тот час воздадим по заслугам противникам нашим. Ныне только повели каждому воину богу молиться прилежно и призывать святых на помощь, и с этих пор снизойдет благодать божья и помощь христианам". И князь Владимир Андреевич, воздев руки к небу, прослезился горько и сказал: "Боже, отец наш, сотворивший небо и землю, помоги народу христианскому! Не допусти, господи, радоваться врагам нашим над нами, мало накажи и много помилуй, ибо милосердие твое

бесконечно!" Сыны же русские в его полку горько плакали, видя друзей своих, поражаемых погаными, непрестанно порывались в бой, словно званые на свадьбу сладкого вина испить. Но Волынец запретил им это, говоря: "Подождите немного, буйные сыны русские, наступит ваше время, когда вы утешитесь, ибо есть вам с кем повеселиться!"

И вот наступил восьмой час дня, когда ветер южный потянул из-за спины нам, и воскликнул Волынец голосом громким: "Княже Владимир, наше время настало и час удобный пришел!" - и прибавил: "Братья моя, друзья, смелее: сила святого духа помогает нам!"

Соратники же друзья выскочили из дубравы зеленой, словно соколы испытанные сорвались с золотых колодок, бросились на бескрайние стада откормленные, на ту великую силу татарскую; а стяги их направлены твердым воеводою Дмитрием Волынцем: и были они, словно Давидовы отроки, у которых сердца будто львиные, точно лютые волки на овечьи стада напали и стали поганых татар сечь немилосердно.

Поганые же половцы увидели свою погибель, закричали на своем языке, говоря: "Увы, нам, Русь снова перехитрила; младшие с нами бились, а лучшие все сохранились!" И повернули поганые, и показали спины, и побежали. Сыны же русские, силою святого духа и помощью святых мучеников Бориса и Глеба, разгоняя посекали их, точно лес вырубали - будто трава под косой ложится за русскими сынами под конские копыта. Поганые же на берегу кричали, говоря: "Увы нам, чтимый нами царь Мамай! Вознесся ты высоко -и в ад сошел ты!" И многие раненые наши, и те помогали, посекая поганых без милости: один русский сто поганых гонит.

Безбожный же царь Мамай, увидев свою погибель, стал призывать богов своих: Перуна и Салавата, и Раклия и Хорса и великого своего пособника Магомета. И не было ему помощи от них, ибо сила святого духа, точно огонь, ожигает их.

И Мамай, увидев новых воинов, что, будто лютые звери, скакали и разрывали врагов, как овечье стадо, сказал своим: "Бежим, ибо ничего доброго нам не дожидаться, так хотя бы головы свои унесем!" И тотчас побежал поганый Мамай с четырьмя мужами в излучину моря, скрежеща зубами своими, плача горько, говоря: "Уже нам, братья, в земле своей не бывать, а жен своих не ласкать, а детей своих не видать, ласкать нам сырую землю, целовать нам зеленую мураву, и с дружиной своей уже нам не видеться, ни с князьями, ни с боярами!"

И многие погнались за ними и не догнали, потому что кони их утомились, а у Мамае свежи кони его, и ушел он от погони.

И это все случилось милостью бога всемогущего и пречистой матери божьей и молением и помощью святых страстотерпцев Бориса и Глеба, которых видел Фома Кацибей-разбойник, когда в охраненье стоял, как уже написано

выше. Некоторые же гнались за татарами и, всех добив, возвращались, каждый под свое знамя.

Князь же Владимир Андреевич стал на поле боя под черным знаменем. Страшно, братья, зреть тогда, и жалостно видеть и горько взглянуть на человеческое кровопролитие: как морское пространство, а трупов человеческих - как сенные стога: быстрый конь не может скакать, и в крови по колена брели, а реки три дня кровью текли.

Князь же Владимир Андреевич не нашел брата своего, великого князя, на поле, но только литовских князей Ольгердовичей, и приказал трубить в сборные трубы. Подождал час и не нашел великого князя, начал плакать и кричать, и по полкам ездить сам стал, и не сыскал, и говорил всем: "Братья мои, русские сыны, кто видел или кто слышал пастыря нашего и начальника?" И добавил: "Если пастух погиб - и овцы разбегутся. Для кого эта честь будет, кто победителем сейчас предстанет?"

И сказали литовские князья: "Мы думаем, что жив он, но ранен тяжело; что, если среди мертвых трупов лежит?" Другой же воин сказал: "Я видел его в седьмом часу твердо бьющимся с погаными палицею своею". Еще один сказал: "Я видел его позже того: четыре татарина напали на него, он же твердо бился ними". Некий князь, именем Стефан Новосильский, тот сказал: "Я видел его перед самым твоим приходом, пешим шел он с побоища, и раненный весь. Оттого не мог я ему помочь, что преследовали меня три татарина и милостью божьей едва от них спасся, а много зла от них принял и очень измучился".

Князь же Владимир сказал: "Братья и други, русские сыны, если кто в живых брата моего сыщет, тот воистину первым будет среди нас!; И рассыпались все по великому, могучему и грозному полю боя, ищущи победы победителя. И некоторые набрели на убитого Михаила Андреевича Бренка: лежит в одежде и в шлеме, что ему дал князь великий; другие же набрели на убитого князя Федора Семеновича Белозерского, сочтя его за великого князя, потому что похож был на него.

Два же каких-то воина отклонились на правую сторону в дубраву, один именем Федор Сабур, а другой Григорий Холопищев, оба родом костромичи. Чуть отошли от места битвы - и набрели на великого князя, избитого и израненного всего и утомленного, лежал он в тени срубленного дерева березового. И увидели его и, слезши с коней, поклонились ему. Сабур же тотчас вернулся поведать о том князю Владимиру и сказал: "Князь великий Дмитрий Иванович жив и царствует вовеки!"

Все князья и воеводы, прослышав об этом, быстро устремились и пали в ноги ему, говоря: "Радуйся, князь наш, подобный прежнему Ярославу, новый Александр, победитель врагов: победы этой честь тебе принадлежит!" Князь же великий едва проговорил: "Что там,- поведайте мне". И сказал князь Владимир: "Милостью божьей и пречистой его матери, помощью и молитвами сродников наших святых мучеников Бориса и Глеба, и молитвами русского святителя

Петра, и пособника нашего и вдохновителя игумена Сергия, - тех всех молитвами враги наши побеждены, мы же спаслись".

Князь великий, слыша это, встал и сказал: "Сей день сотворил господь, возрадуемся и возвеселимся, люди!" И еще сказал: "В сей день господен веселитесь, люди! Велик ты, господи, и дивны дела твои все: вечером вселится плач, а наутро - радость!" И добавил: "Благодарю тебя, господи боже мой, и почитаю имя твое святое за то, что не отдал нас врагам нашим и не дал похвалиться тем, кто замыслил на меня злое: так суди их, господи, по делам их, я же, господи, надеюсь на тебя!"

И привели ему коня, и, сев на коня и выехав на великое, страшное и грозное место битвы, увидел войска своего убитых очень много, а поганых татар вчетверо больше того убитых, и, обратясь к Волинцу, сказал: "Воистину, Дмитрий, не лжива примета твоя, подобает тебе всегда воеводою быть".

И поехал с братом своим и с оставшимися князьями и воеводами по месту битвы, восклицая от боли сердца своего и слезами обливаясь, и так сказал: "Братья, русские сыны, князья, и бояре, и воеводы, и слуги боярские! Судил вам господь бог такую смертью умереть. Положили вы головы свои за святые церкви и за православное христианство". И немного погодя подъехал к месту, на котором лежали убитые вместе князья белозерские: настолько твердо бились, что один за другого погибли. Тут же поблизости лежал убитый Михаил Васильевич; став же над ними, любезными воеводами, князь великий начал плакать и говорить: "Братья мои князья, сыны русские, если имеете смелость пред богом, помолитесь за нас, чтобы вместе с вами нам у господа бога быть, - ибо знаю, что послушает вас бог!"

И дальше поехал, и нашел своего наперсника Михаила Андреевича Бренка, а около него лежит стойкий страж Семен Мелик, поблизости от них Тимофей Волуевич убитый. Став же над ними, князь великий прослезился и сказал: "Брат мой возлюбленный, из-за сходства со мною убит ты. Какой же раб так может господину служить, как этот, ради меня сам на смерть добровольно грядущий! Воистину древнему Авису подобен, который был в войске Дария Персидского и так же, как ты, поступил". Так как лежал тут и Мелик, сказал князь над ним: "Стойкий мой страж, крепко охраняем был я твоею стражею". Приехал и на другое место, увидел Пересвета-монаха, а перед ним лежит поганый печенег, злой татарин, будто гора, и тут же вблизи лежит знаменитый богатырь Григорий Капустин. Повернулся князь великий к своим и сказал: "Видите, братья, зачинателя своего, ибо этот Александр Пересвет, пособник наш, благословенный игуменом Сергием, и победил великого, сильного, злого татарина, от которого испили бы многие люди смертную чашу".

И отъехав на новое место, повелел он трубить в сборные трубы, созывать людей. Храбрые же витязи, достаточно испытав оружие свое над погаными татарами, со всех сторон бредут на трубный звук. Шли весело, ликуя, песни пели: те пели богородичные, другие - мученические, иные же - псалмы, - все

христианские песни. Каждый воин идет, радуясь, на звук трубы.

Когда же собрались все люди, князь великий стал посреди них, плача и радуясь: об убитых плачет, а о здоровых радуется. Говорил же: братья мои, князья русские, и бояре поместные, и служилые люди всей земли! Подобает вам так служить, а мне - по достоинству восхвалять вас. Если же сбережет меня господь и буду на своем престоле, на великом княжении в граде Москве, тогда по достоинству одарю вас. Теперь же вот что сделаем: каждый ближнего своего похороним, чтобы не попали зверям на съедение тела христианские".

Стоял князь великий за Доном на поле боя восемь дней, пока не отделили христиан от нечестивых. Тела христиан в землю погребли, нечестивых тела брошены были зверям и птицам на растерзание.

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: "Сосчитайте, братья, скольких воевод нет, скольких служилых людей". Говорит боярин московский, именем Михаил Александрович, а был он в полку у Микулы у Васильевича, счетчик был гораздый: "Нет у нас, государь, сорока бояр московских, да двенадцати князей Белозерских да тринадцати бояр - посадников новгородских, да пятидесяти бояр Новгорода Нижнего, да сорока бояр серпуховских, да двадцати бояр переяславских, да двадцати пяти бояр костромских, да тридцати пяти бояр владимирских, да пятидесяти бояр суздальских, да сорока бояр муромских, да тридцати трех бояр ростовских, да двадцати бояр дмитровских, да семидесяти бояр Можайских, да шестидесяти бояр звенигородских, да пятнадцати бояр угличских, да двадцати бояр галичских, а младшим дружинникам и счета нет; но только знаем: погибло у нас дружины всей двести пятьдесят тысяч и три тысячи, а осталось у нас дружины пятьдесят тысяч".

И сказал князь великий: "Слава тебе, высший творец, царь небесный, милостивый Спас, что помиловал нас, грешных, не отдал в руки врагов наших, поганых сыроядцев. А вам, братья, князья, и бояре, и воеводы, и младшая дружина, русские сыны, суждено место между Доном и Непрядвой, на поле Куликове, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за землю Русскую, за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в сей жизни и в будущей!" И плакал долгое время, и сказал князьям и воеводам своим: "Поедем, братья, в свою землю Залесскую, к славному граду Москве, вернемся в свои вотчины и дедины: чести мы себе добыли и славного имени!"

Поганый же Мамай тогда побежал с побоища, и достиг города Кафы, и, утаив свое имя, вернулся в свою землю, не желая стерпеть, видя себя побежденным, посрамленным и поруганным. И снова гневался, сильно ярясь, и еще зло замышляя на Русскую землю, словно лев рыкая и будто неутолимая ехидна. И, собрав оставшиеся силы свои, снова хотел изгоном идти на Русскую землю. И когда он так замыслил, внезапно пришла к нему весть, что царь по имени Тохтамыш с востока, из самой Синей Орды, идет на него. И Мамай, который изготовил войско для похода на Русскую землю, с тем войском пошел против Тохтамыша. И встретились на Калке, и был между ними бой большой. И

царь Тохтамыш, победив царя Мамаю, прогнал его. Мамаевы же князя, и союзники, и есаулы, и бояре били челом Тохтамышу, и принял тот их, и захватил Орду, и сел на царстве. Мамай же убежал снова в Кафу один; утаив свое имя, скрывался здесь, и опознан был каким-то купцом и тут убит он был фрягами; и так зло потерял жизнь свою. Об этом же кончим здесь.

Ольгерд же Литовский, прослышав, князь великий Дмитрий Иванович победил Мамаю, возвратился восвояси со стыдом велик. Олег же Рязанский, узнав, что хочет князь великий послать на него войско, испугался и убежал из своей вотчины с княгинею и с боярами; рязанцы же били челом великому князю, и князь великий посадил в Рязани своих наместников.